

И.В. Маслова*

I.V. Maslova*

**Мир детства
в купеческих семьях
Российской империи
в XIX – начале XX века**

**The World of Childhood
in Merchant Families
of the Russian Empire
in the 19th – Early 20th Centuries**

doi:10.31518/2618-9100-2021-1-6

doi:10.31518/2618-9100-2021-1-6

УДК 94(470):930

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Маслова И.В. Мир детства в купеческих семьях Российской империи в XIX – начале XX века // Исторический курьер. 2021. № 1 (15). С. 66–73. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-1-06.pdf>

Maslova I.V. The World of Childhood in Merchant Families of the Russian Empire in the 19th – Early 20th Centuries // Historical Courier, 2021, No. 1 (15), pp. 66–73. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-1-06.pdf>

Abstract. The article is devoted to the study of the history of childhood in the merchant families of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century. A child in a merchant's family had a separate status, which was determined by a number of characteristics. The temporal characteristics include the age stages of the virginity period (infant, preschooler, school student) and a special “children's” daily routine. The category of space was expressed in the presence of conditional boundaries separating the children's world from the world of adults: the space of the children's room, the children's area at the family table, places for children's games in the garden. The allocation of children's space performed several functions at once: protective (protecting children from injuries, sources of illness), dividing: highlighting the boundaries between members of the same family, as if identifying among them those who are able to make independent decisions and be responsible for their actions (adults) and those in need of care and custody (children). The child in the family of a merchant had his own world with toys, children's dishes, furniture and clothes. Finally, childhood was accompanied by a special world of things, in which cultural meanings inherent in a given family, merchant class, country, and historical era were consolidated. As the main sources for illustrating each of the named characteristics, the author has chosen the memories of the childhood of two representatives of the merchant families T. Karson and S. Durylin. Memories written by a man and a woman, on the one hand, make it possible to reveal the specifics of the female or male perception of the children's world, on the other, to determine the basic cultural characteristics inherent in childhood in merchant families.

Keywords: childhood history; merchants; family; upbringing traditions; the world of things.

The article has been received by the editor on 23.11.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена изучению истории детства в купеческих семьях Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Ребенок в семье купца имел отдельный статус, который определялся целым рядом характеристик. К темпоральным характеристикам относятся возрастные этапы периода детства (младенец, дошкольник, школьник) и особый «детский» распорядок дня. Категория пространства выражалась в наличии условных границ, отделявших детский мир от мира взрослых: пространство детской комнаты, детская зона за семейным столом, места для детских игр в саду. Выделение детского пространства выполняло сразу несколько функций: защитную (ограждение

* Маслова Инга Владимировна, доктор исторических наук, Елабужский институт Казанского федерального университета, Елабуга, Россия, e-mail: imaslovainga@gmail.com

Maslova Inga Vladimirovna, Doctor of Historical Sciences, Yelabuga Institute of the Kazan Federal University, Yelabuga, Russia, e-mail: imaslovainga@gmail.com

детей от травм, источников болезней), разделительную (выделение границ между членами одной семьи, как бы определявшее среди них способных принимать самостоятельные решения и отвечать за свои поступки (взрослые) и нуждающихся в опеке и попечительстве (дети)). Ребенок в семье купца имел свою повседневную сферу с игрушками, детской посудой, мебелью и одеждой. Наконец, детство сопровождал особый мир вещей, в котором закреплялись культурные смыслы, присущие данной семье, купеческому сословию, стране, исторической эпохе. В качестве основных источников для иллюстрации каждой из названных характеристик автор избрал воспоминания о детских годах двух представителей купеческих семей: Т. Карсон и С. Дурылина. Воспоминания, написанные мужчиной и женщиной, с одной стороны, позволяют выявить специфику женского или мужского восприятия детского мира, с другой – определить базовые культурные характеристики, присущие детству в купеческих семьях.

Ключевые слова: история детства; купечество; семья; традиции воспитания; мир вещей.

История детства является самостоятельной междисциплинарной областью исследования, что обуславливается тем, что именно детские годы – это период, в течение которого ребенок активно осваивает жизненное пространство, моделируя себя в социуме. Детство вписывается в категорию «историческое время», поэтому, изучая жизнь детей, необходимо учитывать специфику социокультурной стратификации той или иной исторической эпохи. Проблемы детства невозможно изучать и без учета категории «пространство»: конкретный населенный пункт, страна, регион накладывают свой отпечаток на мир, окружающий ребенка. От различных проявлений и свойств мира детства зависят количественные и качественные характеристики будущих поколений, их социально-психологические особенности. Детство окружает особый мир вещей и культурных смыслов, связанных как с индивидуальным опытом ребенка или его семьи, так и с конкретной исторической эпохой.

История детства стала частью исследовательского поля социальной истории, которая сфокусировала свое внимание на изучении роли «маленького человека» в истории. Сконцентрировавшись на изучении частной жизни, повседневности, гендерных проблемах, исследователи стали уделять внимание семье как пространству взаимодействия частного и публичного. К числу крупнейших ученых в этой области следует отнести Н.Л. Пушкареву¹. Изучение «семейных» и «женских» историй неминуемо поставило на повестку дня проблему необходимости изучения истории детства. Детство перестало быть частью частной биографической истории, оно стало самостоятельным предметом исследования².

Данная статья о детях из купеческих семей. Более чем двадцатилетний опыт исследования российского купечества второй половины XIX – начала XX в. позволил нам определить некие общие характеристики «мира детства», свойственные «типичной» купеческой семье. В качестве основных источников для иллюстрации этих черт нами избраны воспоминания о детских годах двух представителей купеческих семей Т. Карсон и С. Дурылина. Мы специально используем воспоминания, написанные мужчиной и женщиной, дабы избежать возможных замечаний о специфике женского или мужского восприятия окружающего мира. Кроме того сравнение источников позволило выявить общие и особенные черты в воспитании детей в столичных и провинциальных семьях купцов 1-й гильдии. Т. Карсон родилась в маленьком провинциальном городке Елабуге, а детство С. Дурылина прошло в Москве.

¹ Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М., 2012; Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007.

² Кон И.С. Детство как социальный феномен // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 2. С. 151–174; Веремко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб., 2015; Щербинин П.П. Детская повседневность в европейских государствах в период Первой мировой войны // Малолетние подданные большой империи: Филипп Ариес и история детства в России (XVIII – начало XX века). М., 2012. С. 197–210.

Рождение ребенка в купеческой семье происходило, как правило, в семейной спальне или в другой комнате дома. Несмотря на развитие медицины и появление все большего числа родовспомогательных заведений к концу XIX в., купчихи по-прежнему предпочитали рожать дома, приглашая акушерку или доктора. Как правило, акушерки помогали появиться на свет всем детям одной или нескольких купеческих семей. Например, в семье Веры Ивановны и Петра Васильевича Стахеевых, насчитывавшей семерых детей (рис. 1), при рождении первых четверых приглашалась одна и та же акушерка Мария Семеновна. Она приезжала в имение купцов Стахеевых из Самары, преодолевая долгую дорогу в 450 км. В своих воспоминаниях Татьяна Карсон (в девичестве Стахеева) писала об этом: «А в России были хорошие акушерки, которые ездили из одного дома в другой, давая жизнь малышам и ухаживая за роженицами в течение трех недель (они гордились тем, что матери, у которых они принимали роды, не проронили ни слезы)»³.

Рис. 1. Дети Павла Васильевича и Веры Ивановны Стахеевых (Пасха, 1912 г.).

Если младенец рождался слабым или больным, то и крестили его тоже дома, но для этого торжественного обряда отводилась сама главная комната – зал. «Зал (или “залушка”, как звал отец) была самая большая комната в доме, окнами в сад, и самая важная [...]. Здесь, перед старинным Спасом, приходское духовенство “славилло Христа” в Рождество, пело “Христос воскрес” в Светлый праздник, молебствовало Николе в именинный день отца. Здесь крестили тех из детей, кто родился слабым и кого боялись нести в приходской храм»⁴. Этот отрывок из воспоминаний С.Н. Дурылина, родившегося и выросшего в купеческой семье, прекрасно иллюстрирует подобное событие.

С развитием системы медицинских учреждений в пореформенный период стало уделяться внимание сохранению здоровья роженицы и новорожденного. В России появились повивальные школы, учебные классы по акушерской подготовке, а в 1872 г. были открыты курсы ученых акушерок при Медико-хирургической академии. В результате к середине 80-х гг. XIX в. родовспоможением занимались доктора и акушерки с медицинским образованием. Когда в 1910 г. в семье Стахеевых ожидали рождения седьмого ребенка, Вера Ивановна, рожавшая предыдущих шестерых детей без анестезии, решила на этот раз прибегнуть к обезболивающему средству – хлороформу. С этой целью в купеческий дом приехали доктор и акушерка, но, т.к. доктор по состоянию здоровья не мог постоянно находиться при роженице, от хлороформа пришлось отказаться⁵.

³ Карсон Т. Воспоминания о русской семье. Краснодар, 2009. С. 35.

⁴ Дурылин С.Н. В своем углу: Из старых тетрадей. М., 1991.

⁵ Карсон Т. Воспоминания о русской семье... С. 50.

Появившегося на свет младенца вверяли кормилице и няне. В качестве кормилицы брали, как правило, женщину, родившую несколько месяцев назад. Для нее готовили отдельную пищу, чтобы у младенца не было колик: «...если есть кормилица у грудного ребенка, то ей назначит доктор особый стол»⁶.

Непосредственным уходом за младенцев занималась няня. Пеленание, купание, прогулки, стирка и глажение детской одежды и белья – вот далеко не полный перечень дел няни, приставленной к новорожденному. Но в семье купца младенец был окружен вниманием также со стороны родителей и старших братьев и сестер. Т. Карсон вспоминала о рождении в семье младшей сестренки: «Мы все полюбили нашу новорожденную. А Вера была самой настоящей маленькой мамой для нее»⁷.

Самой большой заботой и родителей, и няни было желание уберечь ребенка от болезни. Большое количество детских болезней (наиболее опасные среди них скарлатина, дифтерия), несмотря на развитие медицины, приводили к высокой детской смертности. Именно скарлатина стала причиной смертельной трагедии в семье Стахеевых, когда в марте 1909 г. в Москве с разницей в один день умерли трехлетняя Ирина и ее отец Дмитрий Николаевич Стахеевы.

Инфекционные болезни в сочетании с врожденными патологиями не оставляли шансов на выздоровление ребенка. Одной из причин врожденных болезней было то, что купчихи, имевшие по 6–10 детей, рожали почти ежегодно, не давая организму восстановиться, что, конечно, сказывалось на новорожденных. Сергей Дурылин эмоционально описал в своих воспоминаниях ситуацию, когда в его семье старший брат был «отмечен» страшным, родившимся из глубинных народных примет клеймом «не жилец». «Он был звездоочный мальчик. Его большие, широко и грустно раскрытые карие глаза поражают даже на карточке работы Мебиуса. Это не глаза, а очи, нечто более глубокое и зоркое, чем обычные глаза. Ребенок дивил всех своей кротостью, ранним пониманием людей и вещей, сияющей любвеобильностью ко всем. “Благодатный ребенок”, – говорило про него важное и сановитое духовенство Богоявленской, что в Елохове, церкви. “Не жилец”, – грустно дивилась на него няня Пелагея Сергеевна, обожавшая его [...]. Коля умер трех лет от дифтерита»⁸.

В рассматриваемый период в Российской империи не получило развитие лечение детей в стационаре, хотя больницы уже существовали. В богатых купеческих семьях доктора приглашали на дом. Даже не очень сложные операции проводили на дому. Татьяна Карсон вспоминает, что сразу трое детей в их семье были прооперированы в их доме в Москве. «В это время в Москве Ирина, Вася и я часто простывали. У нас болели горло и уши. Специалисты посоветовали вырезать аденоиды. Профессор Преображенский оперировал нас дома. Залу превратили в операционную. Утром нас успешно прооперировали, а после поместили в детскую на первом этаже. Нам был прописан постельный режим. В течение нескольких недель ассистент профессора в школьной комнате наблюдал за нашим состоянием здоровья. После операции у меня были сильные головные боли. Главным поощрением было мороженое за обедом»⁹.

В семьях купцов сложилось два противоположных принципа воспитания детей в возрасте с 3 до 10 лет. Первый, преобладавший, – это ограждение детей от болезней, сглаза и других напастей, содержанием их под строго домашней опекой. В детской, как правило, было жарко, исключались сквозняки, главный принцип кормления заключался во фразе «кушай на здоровье».

Второй подход, назовем его «иностранным», основывался на достижениях медицинской науки о закаливании и зарождающихся принципах здорового питания. Подобные приемы воспитания описывает Татьяна Карсон: «В пять утра нас будила прислуга, мы выпивали стакан только что надоевшего молока. Перед обедом мы всегда выпивали стакан морков-

⁶ Дурылин С.Н. В своем углу... С. 137.

⁷ Карсон Т. Воспоминания о русской семье... С. 50.

⁸ Дурылин С.Н. В своем углу... С. 136.

⁹ Карсон Т. Воспоминания о русской семье... С. 50.

ного, свекольного или редисочного сока, а перед ужином – простоквашу (диета профессора Мечникова). На легкий завтрак, около одиннадцати часов нам подавали тарелку лесной земляники, ежедневно собираемую в лесу деревенскими девочками, или черный ржаной хлеб с поваренной солью и измельченным зеленым луком. Дети мы очень любили сыр, но он не был полезным для нас. После приема пищи мы полоскали рты разбавленной водкой, затем лежали на полу, а мисс Клер читала нам»¹⁰. Подобный режим питания летом в сочетании с летним купанием, пешими прогулками, игрой в крокет, купанием в реке и посильной работой в саду был поистине новаторским. Зимой, во избежание простуд в суровом российском климате, Стахеевы всей семьей переезжали в Биарриц (рис. 2).

Рис. 2. Семья Стахеевых на пляже в Биаррице (фото 1912 г.).

Усиление внимания в российском обществе второй половины XIX в. к проблемам детства нашло отражение не только в развитии детской медицины, появилась «детская» нотка в литературе, периодических изданиях, предметах домашнего обихода, мебели, одежде.

Во второй половине XIX в. распространение получила специализированная по крою детская одежда. Многочисленные фотографии купеческих семей показывают, что младенцев (мальчиков и девочек) одевали в длинные, до щиколоток, рубашки с многочисленными рюшами и оборками. Голову обязательно покрывали чепчиком, который закрывал уши и завязывался под подбородком большим бантом. Девочки от двух до пяти лет носили платья до колен с обязательными кружевными панталонами под ними. Головные уборы – шляпки с неширокими полями, что отличало купеческих дочерей от крестьянских девочек с головами, покрытыми косынками или платками. Популярным элементом одежды девочек были фартуки на бретелях, которые сочетались как с платьями, так и с юбками.

Панталоны с воланами и пиджаки или туники являлись основой одежды для мальчиков. На голове фуражка, реже кепи. Отметим, что при пошиве детской одежды использовались те же ткани, что и для изготовления гардероба для взрослых. Не существовало еще и детских принтов в одежде. Хотя несомненным фаворитом была бело-синяя полоска, составлявшая основу для цветового решения матросских костюмчиков, получивших особую популярность во второй половине XIX в. Именно в таких морских костюмчиках путешествовали в Биарриц дети Стахеевых: «Мы все были одеты в одинаковые голубые морские костюмы и частенько слышали восхищенные возгласы от служащих железной дороги: немцев и французов “Quels beaux enfants!” (Какие красивые дети!)»¹¹.

¹⁰ Карсон Т. Воспоминания о русской семье... С. 29.

¹¹ Там же. С. 52.

Важнейшим атрибутом детского бытия являлось пространство, одну из характеристик которого составляла граница, отделявшая его от пространства других членов семьи. Пространственным воплощением детства в купеческом доме была детская половина или детская комната. Это место, где ребенок мог ощущать себя и вести себя именно как ребенок, в остальной части дома воплощалась поведенческая установка – «маленький взрослый».

Купеческая мемуарная литература сохранила довольно типичную картину обстановки детской комнаты. Большая светлая комната, в которой выделялись несколько зон: спальня, игровая, место для «спокойных» занятий (рисование, чтение). «Невысокая перегородка делила детскую на две неравные части. Меньшая, в одно окно, служила нашей спальней: в ней стояли наши кровати под пологом и постель няни. В большей же половине с широкой кафельной лежанкой, с сундуком, покрытым мохнатым ковром, с обоями, изображавшими катанье детей на салазках, с большими настенными часами, разговаривавшими с нами приятным баритонным боем, с двумя высокими окнами, из которых одно было в полном владении брата, другое – в моем, и населено нашими любимыми игрушками – проходила вся наша жизнь: тут мы играли, пили, ели, слушали нянины рассказы, рисовали, учили уроки. Я не могу описывать детской. Это была не комната, это был для нас целый мир»¹². До пяти лет мальчики и девочки нередко жили в общих детских комнатах.

Обязательным атрибутом обстановки детской комнаты был красный угол, где располагались иконы и лампада. Старшему из детей обычно поручали присматривать за поддержанием в ней огня. В детской часто вешали икону «Семь спящих отроков», у которой вечером, под присмотром матери или няни, просили спокойного сна.

В журнале «Для малюток» за 1893 г., рассчитанном на возрастную категорию от 0 до 5 лет, был опубликован рассказ, в котором красочно описана сцена вечерней молитвы маленькой девочки и ее няни: «Прежде всего мы помолимся о том, чтобы завтра утром солнышко вышло такое же ясное, чтобы оно пробудило и согрело уснувшую землю [...]. Помолимся, моя милая, о тех тружениках, что живут в маленьких хатках, чтобы не ослабили их руки, чтобы пот, который они проливают, идя за сохой, не пропал даром [...]. Наконец, мы помолимся, моя резвушка, чтобы твои маленькие ножки хорошо отдохнули за ночь и были бодрыми утром»¹³. Таким образом, вечерняя молитва становилась не просто духовным ритуалом с повторением общеупотребимых молитв, но была своеобразной рефлексией о существующем мире и жизни малыша в нем.

Но мир детства в купеческих семьях не был обозначен строго границами детской. Ребенок был частью «большого» мира взрослых и в первую очередь частью семьи. Семейные застолья были обязательным элементом детского распорядка, и именно они раздвигали границы детского пространства. Но в столовой, за семейным обедом или ужином ярко прослеживались патриархальные традиции, когда к детям относились как к маленьким взрослым. Ребенок должен был вести себя за столом как взрослый и никакого снисхождения на возраст не делалось. Владимир Петрович Гирбасов, гостивший у деда, елабужского купца 1-й гильдии Гаврилы Федоровича в 1913 г., вспоминал: «За обедом полагалось сидеть чинно и спокойно. А если начиналось глухое хихиканье, то можно было получить тычка перстами по голове от бабушки, а то и вылететь из-за стола»¹⁴.

За общим семейным столом купеческие дети приобщались и к традиции застольных молитв, совершая их наравне со взрослыми. Такую молитву читал вслух глава семьи, он же строго следил, чтобы дети молились серьезно, а не переминались с ноги на ногу, ожидая времени, когда им, наконец, разрешат обедать.

Мир детства во второй половине XIX в. порождал существование особого мира вещей. Речь идет не просто о предметах домашнего обихода, мы имеем в виду особые вещи, в которых закреплялись культурные смыслы, связанные с индивидуальным опытом, память-

¹² Дурьлин С.Н. В своем углу... С. 90.

¹³ Борисов В. Молитва // Для малюток. 1893. № 6. С. 88–89.

¹⁴ Маслова И.В. Традиции семейного быта уездного купечества Вятской губернии в XIX – начале XX в. // Наука и школа. 2010. № 6. С. 145.

ными ассоциациями человека, семьи, корпорации. Отдельный предмет, по мере его духовного и эмоционального освоения ребенком, накапливал сущностные характеристики вещи. Вещи (особенно семейные реликвии) играли важную роль при передаче «опыта поколений», в восприятии культурных ценностей семьи и формировании мирозерцания ребенка.

В мире детства статус семейной реликвии могли заслужить самые неприметные вещи. С.Н. Дурьлин, вспоминая детские годы, описывал подобные вещи, с которыми были связаны важные семейные события или которые хранили память о рано умершем брате: «А низ божницы растворялся двумя глухими дверками – и там на двух полках вмещено было неслыханное, как нам казалось, богатство – целый мир самых заветных игрушек – тех, в которые играла еще мама, тех, в которые любил играть покойный братец Коля! Лишь изредка – всего несколько раз в году – раскрывались перед нами эти ореховые дверцы, и мы принимали к этим сокровищам – к фарфоровым зайчикам братца Коли, к его любимой собачке: сама серая невеличка, “а хвост закорючкой!”, как говорил Коля, к маленькому шкафчику из слоновой кости, в который играла маленькая мама, к корзиночке с крошечными флакончиками со старыми густыми духами. С особым благоговением могли мы тогда взять в руки пасхальное яйцо из пальмового дерева, которым когда-то христосовалась бабушка с прабабушкой, или заветное фарфоровое яичко, с которым мама сказала первое “Христос воскрес” своему первенцу»¹⁵.

Каждый ребенок в семье купцов Стахеевых имел свой маленький шкафчик, где, как вспоминала Татьяна, хранились «маленькие безделушки»: сувениры, фарфоровые фигурки, кельтские вазы. Во второй половине XIX в. обязательной составляющей детского мира вещей стала книга: «Позже, повзрослев, мы получали в подарки издания русских, французских и английских авторов»¹⁶.

Из воспоминаний купеческого сына Ивана Васильевича Шишкина (отец знаменитого пейзажиста И.И. Шишкина) мы узнаем о привязанности мальчика к одной из книг, подаренной ему дедом: «К тому же дед Зотиков подарил мне старинную книжку даже без корочек и без названия, но я впоследствии узнал, что эта книга имела название “Наука быть счастливым”, которая мне пришлось, что называется, по сердцу. В ней очень много нравственного и патриотического. Я ее несколько раз читал, много из нее выписывал и могу сказать, что я из нее много хорошего занял, и всю жизнь свою был за этот подарок моему деду благодарен»¹⁷.

В целом во второй половине XIX – начале XX в. в российских купеческих семьях ребенок имел отдельный статус, который определялся целым рядом характеристик. К темпоральным характеристикам следует отнести возрастные этапы периода детства: младенец, дошкольник, школьник и особый «детский» распорядок дня. Категория пространства выражалась в наличии неких умозрительных границ, отделявших детский мир от мира взрослых: пространство детской комнаты, детская зона за семейным столом, места для детских игр в саду. Выделение детского пространства выполняло сразу несколько функций: защитную (ограждение детей от травм, источников болезней), разделительную (выделение границ между членами одной семьи, как бы определяя среди них способных принимать самостоятельные решения и отвечать за свои поступки (взрослые) и нуждающихся в опеке и попечительстве (дети)). Ребенок в семье купца имел собственный мир с игрушками, посудой, одеждой. Наконец, мир детства сопровождал особый мир вещей, в котором закреплялись культурные смыслы, присущие данной семье, сословию, исторической эпохе.

¹⁵ Дурьлин С.Н. В своем углу... С. 89.

¹⁶ Карсон Т. Воспоминания о русской семье...С. 31.

¹⁷ Шишкин И.В. Жизнь Елабужского купца Ивана Васильевича Шишкина, писанная им самим в 1867 году. Елабуга, 2007. С. 10.

Литература

- Борисов В. Молитва // Для малюток. 1893. № 6. С. 87–93.
- Веремченко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. 204 с.
- Дурьлин С.Н. В своем углу: Из старых тетрадей. М.: Моск. рабочий, 1991. 336 с.
- Карсон Т. Воспоминания о русской семье / пер. Е.В. Третьяковой. Краснодар, 2009. 84 с.
- Кон И.С. Детство как социальный феномен // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 2. С. 151–174.
- Маслова И.В. Традиции семейного быта уездного купечества Вятской губернии в XIX – начале XX в. // Наука и школа. 2010. № 6. С. 143–145.
- Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 495 с.
- Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М.: Ломоносовъ, 2012. 208 с.
- Шишкин И.В. Жизнь Елабужского купца Ивана Васильевича Шишкина, писанная им самим в 1867 году. Елабуга, 2007. 64 с.
- Щербинин П.П. Детская повседневность в европейских государствах в период Первой мировой войны // Малолетние подданные большой империи: Филипп Ариес и история детства в России (XVIII – начало XX века): сб. ст. М., 2012. С. 197–210.

References

- Borisov, V. (1893). *Molitva* [Prayer]. In *Dlya malyutok*, No. 6, pp. 87–93.
- Durylin S.N. (1991). *V svoem uglu: iz starykh tetradey* [In His Corner: From Old Notebooks]. M.: Mosk. Worker. 336 p.
- Karson, T. (2009). *Vospominaniya o russkoy sem'e* [Memories of the Russian Family]. Krasnodar. 84 p.
- Kon, I.S. (2004). *Detstvo kak sotsial'nyy fenomen* [Childhood as a Social Phenomenon]. In *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 2, No. 2, pp. 151–174.
- Maslova, I.V. (2010). *Traditsii semeynogo byta uyezdnogo kupechestva Vyatskoy gubernii v XIX – nachale XX v.* [Traditions of Family Life of the County Merchants of the Vyatka Province in the 19th – Early 20th Centuries]. In *Nauka i shkola*, No. 6, pp. 143–145.
- Pushkareva, N.L. (2007). *Gendernaya teoriya i istoricheskoye znanie* [Gender Theory and Historical Knowledge]. St. Petersburg, Aleteyya. 495 p.
- Pushkareva, N.L. (2012). *Chastnaya zhizn' russkoy zhenshchiny XVIII veka* [The Private Life of a Russian Woman in the 18th Century]. Moscow, Lomonosov. 208 p.
- Shcherbinin, P.P. (2012). *Detskaya povsednevnost' v evropeyskikh gosudarstvakh v period Pervoy mirovoy voyny* [Children's Everyday Life in European States During the First World War]. In *Maloletniye poddannye bol'shoy imperii: Filipp Aries i istoriya detstva v Rossii (XVIII – nachalo XX veka)*. Moscow, RGGU, pp. 197–210.
- Shishkin, I.V. (2007). *Zhizn' Yelabuzhskogo kuptsa Ivana Vasil'evicha Shishkina, pisannaya im samim v 1867 godu* [The Life of the Yelabuga Merchant Ivan Vasilyevich Shishkin, Written by Himself in 1867]. Elabuga. 64 p.
- Veremenko, V.A. (2015). *Deti v dvoryanskikh sem'yakh Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Children in Noble Families of Russia (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. St. Petersburg, LGU im. A.S. Pushkina. 204 p.

Статья поступила в редакцию 23.11.2020 г.